

Язык русских эмигрантов в Германии

© кандидат филологических наук В. В. Жданова, 1999

... Но панталоны, фрак, жилет,
Всех этих слов на русском нет...
А.С. Пушкин, *Евгений Онегин*

Как справедливо отмечают исследователи современного русского языка¹, крушение советской империи существенным образом сказалось и на состоянии национальных языков. И если языки отделившихся союзных республик при этом сознательно популяризировались на волне национальных (или даже националистических) движений, то русский язык оказался в опальном положении.

На территории бывшего СССР и в Восточной Европе русский язык утрачивает свое прежнее значение (по крайней мере, его статус не поддерживается официально): он перестает быть "языком международного общения" "братских республик", его исключают из программы национальных школ, в том числе и в странах Восточного блока и т.д. После падения железного занавеса исчезает та тень таинственности, которая надежно скрывала и наши ядерные арсеналы, и нашу загадочную русскую душу от глаз западного обывателя. *Русскость* перестала ассоциироваться с мощной литературой и культурой, с грозной сверхдержавой, в конце концов. Печально, но факт: на западе просвещенной Европы интерес к русскому языку и литературе неуклонно снижается, что особенно заметно на фоне прошедшего постперестроечного увлечения всем *русским*.

Что меняется в связи с этим в отношении самих русских к родному языку? Изменяется ли и сам язык в этой ситуации? Как показывают предварительные наблюдения русского лингвиста, оказавшегося в среде эмигрантов из бывшего СССР, по крайней мере разговорный язык указанной группы населения превращается в своего рода *социодialeкт*, характеризующийся определенными, устойчиво воспроизводимыми в речи лексическими, грамматическими и синтаксическими чертами. Более того, *адаптация* русского языка к немецким жизненным реалиям

¹См., например, "Русский язык конца XX века" под общей редакцией Е.А. Земской.

будет происходить по идентичным моделям в пределах каждого относительно изолированного эмигрантского или переселенческого социума.

В рамках статьи мы попытаемся очертить лишь те изменения, которые претерпевает русский язык в устах *немецких* эмигрантов из бывшего СССР.

До сих пор эта тема — русский язык эмиграции — попадала только в поле зрения литературы (см., например, замечательные фельетоны Тэффи конца 20-х годов или произведения Сергея Довлатова) и публицистики, один из последних примеров чему — статья Татьяны Толстой в „Московских новостях“ за ноябрь 1998 г.² о языке русских американцев.

Соответствующего научного описания обозначенная проблема пока не получила, несмотря на несомненный лингвистический интерес³.

Русскоязычное население Германии составляют прежде всего эмигранты „четвертой волны“ (1988 — 1998 гг.), несмотря на то, что неравномерные, но постоянные потоки российских беженцев прибывали на немецкую землю начиная с 1917 года (вспомним наиболее значительные имена литературной эмиграции Берлина 20-х годов: Бунин, Одоевцева, Цветаева, Г. Иванов).

Среди переселенцев последних десяти лет вычлняются две наиболее многочисленные национальные группы: это этнические немцы (в основном из Поволжья, Казахстана, Сибири) и евреи из России и с Украины. Родной язык — русский⁴ — после переезда в Германию сохраняется у них чаще всего как средство общения в семье и в дружеском кругу, в то время как немецкий становится языком связи с окружающим миром, являясь непременным условием вхождения в социум.

Помимо перемены в области функционирования русский язык советских эмигрантов переживает и ряд собственно лингвистических изменений, которым посвящена статья. Наблюдения над метаморфозами „великого и могучего“ языка, без которого, как заявлял классик, нельзя

²Толстая Татьяна, "Надежда и опора (сердца горестные заметы — 1)", Московские Новости, № 45, 15-22.11.98, с. 17.

³Ряд ценных замечаний по этому вопросу был сделан Е.А. Земской на Чтениях, посвященных памяти проф. В. А. Белошапковой, 30 сентября 1997 г.

⁴Проблема соотношения русского и немецкого языков в семьях этнических немцев, проживающих на территориях бывшего СССР, не столь проста и требует поэтому отдельного рассмотрения. По этой теме было сделано интересное, на наш взгляд, сообщение Renate Blankenhorn (Humboldt-Universität zu Berlin) на конференции POLYSLAV` 98 (8-10 октября 1998) „Funktionales Code-switching bei Rußlanddeutschen in Sibirien“. Во избежание возможных неясностей в рамках нашего исследования речь идет о тех переселенцах и эмигрантах, для которых если и не в полном смысле слова *родным*, то по крайней мере *первым, основным* языком был русский.

было бы „не впасть в унынье“, в первом приближении могут быть кратко обобщены следующим образом.

1. Прежде всего в русскую разговорную речь проникает достаточно большое количество немецких слов, например, глаголов: *putzen* (чистить, мыть; убирать в знач. наводить порядок) – *путцать*, *mieten* (снимать, арендовать) – *митать* и т.д., которые начинают изменяться по русской глагольной парадигме: *По пятницам я путцаю в одной фирме (студентка, 27 лет, Рига)*⁵. *У нас здесь ни у кого нет своего жилья: все мы митаем* (т.е. снимаем) (переселенка из Казахстана, 25 лет, без образования, работает уборщицей).

2. Часто подобное усвоение немецких слов русскими возмещает реалии, недостающие в родном языковом пространстве, и соответственно, в русском языковом сознании и в самом языке. Так, слово *Jugendherberge* навряд ли может быть правильно воспринято и понято в переводе *молодежный отель*, хотя при этом точно передается его значение — это дешевый отель или пансион, предоставляющий приют обычно школьникам и студентам не старше 27 лет (немецко-русский словарь⁶ находит для *Jugendherberge* другое русское обозначение — *туристская база для молодежи*, не совсем подходящее, не наш взгляд). *Kneipe*, конечно, не пивная и не рюмочная, не кабак и не трактир, даже если обстановка в ней не лучше, чем в перечисленных заведениях (словарная статья также не дает точного перевода, а подбирает синонимы, передающие названия сходных по функции учреждений: *кабак, пивная, пивная со стойками, забегаловка*). И если *Autobahn* (автобан) еще может быть правильно осмыслен в русском контексте, то *Bahncard* требует для незнающих подробного комментария.

Занятно, что все подобные заимствования изменяются в русской речи по соответствующим парадигмам, как правило, сохраняя при этом исконную принадлежность к определенному роду: *Мы всей группой идем сегодня вечером в кнайпу* (*die Kneipe* — *f*); *С банкартой* (*die Bahncard* — *f*) *ездить дешевле*. *Все гостиницы в городе были забиты*:

⁵ Все использованные примеры почерпнуты из разговорной речи переселенцев. В скобках указывается возраст, профессия, образование и место проживания до эмиграции. Время фиксации всех использованных в статье примеров — октябрь 1996 — январь 1999. Кроме того, для большей лингвистической достоверности и точности предлагаемых заключений в качестве подобных примеров приводятся только многократно отмеченные употребления. Особенности, зафиксированные в речи отдельных лиц и пока не подтвердившиеся регулярным воспроизведением, приводятся со специальными оговорками.

⁶ Перевод всех немецких слов, приводимых в статье, выверен по: *Wörterbuch Deutsch-Russisch/ von Edmund Daum und Werner Schenk. — 3-Aufl. — Leipzig, 1989.*

только к ночи мы сумели вписаться в югендхербергу (die Jugendherberge — f) неподалеку от центра. Эта закономерность, абсолютность которой пока еще рано утверждать, не распространяется на слова, морфологический облик которых соответствует русскому мужскому роду, например: На автобане (die Autobahn — f) мы стояли в пробке несколько часов. Здесь специально учат на курсах вождения ездить по автобану.

Многие заимствования из немецкого переживают на русской почве модификацию своего значения. Так, многозначное слово Schein (свидетельство, удостоверение и т.д.) используется русскоязычными переселенцами как название документа, подтверждающего участие в том или ином университетском курсе: — *Я уже закончила собирать шайны* (т.е. сдала необходимые экзамены и зачеты – студентка, 27 лет, Фрунзе). Heim (дом, уют, домашний очаг и под.; обычно выступает в составных словах: Wohnheim — общежитие, Altersheim — дом престарелых и т.д.) используется только в значении лагеря для переселенцев: — *Напротив русского магазина раньше хайм был. Когда мы жили в хайме...* и пр. А предел мечтаний множества переселенцев — социальная помощь (Sozialhilfe), которая может состоять в предоставлении бесплатного жилья (Sozialwohnung), денежного пособия (Sozialgeld) и т.д., в русской речи превращается просто в социал. Когда в одной из школ Баден-Вюртемберга учительница пыталась увещевать детей из семей переселенцев, что, дескать, надо хорошо учиться, чтобы в будущем получить работу, дети небезрезонно ответили: *А мы будем жить на социал!* Отсюда же в языке переселенцев возникает новое слово – социальщик – для обозначения человека, живущего за счет государственных дотаций и чаще всего не желающего работать. — *Все переселенцы — социальщики, а моя семья ни дня на социале не сидела,* — говорит студентка 25 лет из Сибири. Обратим внимание, что здесь возникает уже своя фразеология — *сидеть на социале*.

3. Нередко при лексических заимствованиях на русские глаголы переносятся и тип немецкого управления, особенно если одно из слов в словосочетании отражает реалии, не существующие в русском социокультурном пространстве: *поставить антраг на вонгельд* (Antrag auf Wohngeld stellen — подать заявление на определенный вид социальной помощи): *Мы завтра собираемся пойти в Вонамт* (Wohnamt — учреждение, занимающееся, в частности, предоставлением бесплатного жилья и выплатой жилищных пособий) — *поставить антраг на вонгельд* (Wohngeld — жилищное пособие) (студент-биолог, 27 лет, Украина). —

Держи абштанд! (нем. Abstand halten! — ср. русск. соблюдай дистанцию!) — кричат друг другу русские мальчишки на велосипедах.

4. Помимо заимствований, восполняющих отсутствие соответствующих русских лексем, эмигрантский язык насыщен еще и немецкими словами, эквивалентными по смыслу русским и принимающими в речи русский грамматический облик. Подобные заимствования отражают различные стратегии речевого поведения: это может быть как несрабатывание механизма переключения языкового кода: *Алкоголь взаимодействует с фетом* (*Fett* по-немецки *жир*), так и заполнение средствами чужого языка лакун индивидуального лексикона: *Эти стены сделаны из песчаного камня*, — говорит русская переселенка (50-55 лет, данных об образовании нет) о толстых *известняковых* стенах в церкви, буквально переводя на русский язык немецкое название этого минерала Sandstein. На вопрос, к какой конфессии она принадлежит, студентка (немка русского происхождения, Магнитогорск, 26 лет, в Германии с 1989 г.) отвечает: *Я Evangelisch* (вместо норм. русск.: Я лютеранка/протестантка). Студент-биолог (Кременчуг, 27 лет, в Германии 5 лет) упорно называет православную церковь *ортодоксальной* (ср. нем. Orthodoxe Kirche). — *С чаем хорошо пить коньяк или Rum* (русск. *ром*), — говорит 24-летний сын бывшего сотрудника радиостанции „Свобода“.

Таковыми, избыточными с точки зрения русского литературного языка, заимствованиями изобилует усваиваемая переселенцами техническая терминология. Вот несколько примеров из области вычислительной техники: шпайхер (нем. Speicher, русск. оперативная память), друкер (нем. Drucker, русск. принтер); вместо нормативного монитор часто произносится монитор и т.д.

5. Под влиянием немецкого словоупотребления в речи эмигрантов возрастает частотность существующих и в русском языке иноязычных слов, которые появляются в нехарактерных значениях и контекстах: *акцептировать* в значении „воспринимать, соглашаться“: *И как акцептировали эту новость твои родители? Они акцептируют, что ты живешь отдельно?* — *инвестировать* в значении „вкладывать, прилагать усилия“: *Два года я проучился, ничего не делая, а теперь уже надо что-то инвестировать* (студент-социолог, 28 лет, Казахстан). Пятидесятилетняя внучка бывшего члена Государственной Думы, родившаяся в Германии и здесь же преподающая русский язык, спрашивает меня в телефонном разговоре: *Ну, а чем ты еще занимаешься помимо своих активностей?*

6. В речи переселенцев часто наблюдается и калькирование немецкой лексической сочетаемости, что прежде всего относится к экспансии глагола *machen* и сочетаний с ним в различных комбинациях: *Не будем делать стресс!* — *Machen wir keinen Streß!* *Он делает славистику и германистику.* — *Er macht Slawistik und Germanistik* (в университете). *Я сделал (языковой) курс.* — *Ich habe einen Sprachkurs gemacht* и под.: *Делать экзамены/ практику/ спорт/ профессию.*

Помимо лексической сочетаемости калькируются и идиомы немецкого языка: *Как твой немецкий?* — *Пойдет* (ср. норм. русск. ничего, сойдет и под.; нем. *Es geht*) (русская переселенка 25 лет из Казахстана, среднее образование, в Германии 6 лет). На вопрос *Как дела?* (нем. *Wie geht's?* — букв. **Как идет?**) преподаватель русского языка из Петербурга, 30 лет прожившая в Германии, смиренно отвечает: *Идет.*

7. Не менее характерно в эмигрантско-переселенческой среде употребление немецких служебных слов в русской речи (also — так, таким образом, doch — для выражения несогласия с суждением, сформулированным как отрицание: — *Немецкие университеты не лучше наших,* — говорю я 27-летней студентке из Душанбе. — *Doch,* — не соглашается она) и немецких формул вежливости. *Хаусмайстер* (т.е. управдом) студенческого общежития — чернобородый сибиряк дядя Яша — неизменно приветствует соотечественников возгласом *Hallo*, сразу за этим переходя на русский язык. Иногда случается услышать и формулу прощания *Tschüß*, изредка — не без иронии по отношению к швабам и их диалекту — южнонемецкое *Tschüssle*.

8. Для полноты описания социодialeкта эмигрантов необходимо отметить успешное усвоение многими из них немецкой бранной лексики. Пожилая российская гражданка, живущая в Баварии, по ее собственным словам, почти 30 лет, громко выражала в Генконсульстве РФ в Мюнхене свое недовольство: *Нет, это просто ирренхаус! Это ирренхаус!* (*Irrenhaus* — сумасшедший дом). Еще более стремительно — не без помощи средств массовой информации — эмигрантами усваиваются грубые ругательства (*Scheiße, Arschloch*), хотя и параллельная русская лексика у них, без сомнения, устойчиво сохраняется: *Ну, фрау Ютта, б..., сейчас начнет еду всем навяливать* (25-летняя домработница упомянутой „фрау Ютты“).

9. Что касается специфических грамматико-синтаксических характеристик речи переселенцев, то они, естественно, менее разнообразны, чем особенности лексического уровня. Нами зафиксированно употребление обстоятельств, выраженных наречиями, вместо эквивалентных по

смыслу русских предложно-падежных конструкций: *Вы легко найдете его (общежитие) — это центрально* (студент-психолог из Душанбе, 26 лет, в Германии 9 лет) (нем. Es liegt zentral – ср. норм. русск. — (расположено) в центре).

Под влиянием немецкого синтаксиса может происходить неоправданное усложнение русских конструкций. Уже цитированный нами сын сотрудника радиостанции „Свобода“ говорит о том, что родители не вмешиваются в его семейную жизнь: *Если бы это было так, у нас не дошло бы до того, чтобы мы жили в одном городе* (ср. нем. es wäre nicht dazu gekommen, daß...; норм. русск. Если бы это было так, мы бы не стали жить в одном городе).

Интересное явление было отмечено в речи 28-летней Анны Ф. (зубной врач, приехала из Казахстана в 1994 г.): при выражении обобщенного лица она использует не третье лицо множественного числа, а немецкое местоимение *man*, подставляя его в русское предложение: *В России ман делает эти пломбы из пасты, которая потом меняет цвет* (ср. нем. In Rußland macht man...).

Конечно, не все эмигранты и переселенцы одинаково небрежно обращаются с родным языком: многие на протяжении десятилетий поддерживают свою языковую компетенцию в блестящем состоянии. Примечательно, что для русской речи студентов, научных деятелей, а также для людей, приехавших работать в Германию на обозримый срок, т.е. тех, кто предполагает возвращение на родину, описанные явления, как правило, не характерны.

В своем выступлении на Белошапковских чтениях 30 сентября 1997 года Е.А. Земская, поделившись наблюдениями над языком русских эмигрантов, отметила, что у эмигрантов первой волны сохраняется и передается из поколения в поколение нормативный литературный язык. Очевидно, здесь оказываются важными ориентация в первую очередь на русские духовные и культурные ценности, социальная принадлежность носителей языка и уровень их образованности.

Напрашивается вывод, что для сохранения корректного русского языка значима прежде всего социо-культурная позиция самого носителя, а не среда, не социум, не возможность применения языка. Кроме того, не последнюю роль при этом играет 1) уровень владения родным языком, осознание живой связи с родной культурой и литературой; 2) знание нескольких иностранных языков, когда первый освоенный иностранный язык не смешивается с родным.

Представители последнего эмиграционного потока из России и республик бывшего СССР, так называемая "колбасная эмиграция", уезжали прежде всего по экономическим, а не по политическим или, тем более, идеологическим причинам. Они всеми силами стремятся войти в немецкий социум, по крайней мере, продемонстрировать это, и утрата родного языка, пусть даже несознательная, представляется на фоне этой грандиозной социальной задачи не такой уж трагической.

На вокзале в Тюбингене, — в городе, вдохновившем меня на эту статью, — бывших советских граждан встречает большой щит на русском языке: „Пункт приема немецких *выселенцев* на землю Баден-Вюртемберг“.

Вместо послесловия: уже закончив работу над статьей, я подумала, что, быть может, ее пуристический пафос в большей степени демонстрирует принадлежность автора к лагерю архаистов, нежели реальные тенденции развития живого языка. И хотя споры о нормативном языке конца XX века изобличают во мне блюстителя чистоты русского языка, даже и я порой теряюсь, пытаюсь переложить реальные и виртуальные события немецкого культурно-языкового пространства на русский язык.

В этом отношении особенно поучителен такой неоднозначный случай, как немецкие географические названия. Не только *выселенцы*, но и вообще все носители русского языка, оказывающиеся в Германии, колеблются между издавна устоявшимися произносительными вариантами Гейдельберг, Лейпциг и более близкими к немецкому произношению Хайдельберг, Ляйпциг. Кажется, иначе как Ройтлинген и Манхаймом никто уже не назовет города, обозначенные на всех отечественных картах как Рейтлинген и Мангейм. Одни только Гамбург и Ганновер возвышаются как последние бастионы старой произносительной нормы. Вот уж поистине: *Шшков, прости, не знаю, как перевести!*

В заключение мне хотелось бы поблагодарить историка языка Дмитрия Константиновича Трубчанинова за советы и замечания по концепции статьи, а также за языковой материал из личных наблюдений.